

О.Ганжа

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА – МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ...?

Анализ событий последнего десятилетия в Украине, а тем более его оценка, отнюдь не являются целью автора настоящей статьи. Меня интересует другое – конкретное событие, его истоки и результат, в рамках системного анализа конкретного общества. Иными словами, целью данной публикации является генетический и гносеологический анализ такого явления как коллективизация сельского хозяйства в отечественной истории.

Причем сразу хочу оговорить, что хронологическим рядом отечественной, до 1991 года, истории для меня является: «Киевская Русь – Московское княжество – Московское (Русское) царство – Российская Империя - СССР». Ведь нахождение в составе Великого княжества Литовского для Украины ничего не дало, кроме, пожалуй, «Литовского статута». Польский период вообще закончился ужасом Руины. Украина же, вошедшая в состав России, волею географического положения всегда была доминантой политики Царства, Империи и Союза. Выходцы с Украины (Мазепа, Разумовские, Безбородко, Киселев, Хрущев и др.) вообще являлись доминантой общественно-политической жизни страны. То есть Украину, находившуюся в составе России, миновала печальная участь имперской окраины, что характерно для истории «цесарской Украины». Становление современных границ Украины вообще имеет весьма малое отношение к границам украинского этноса, и является предметом отдельного исследования¹.

Поскольку в статье речь пойдет о гносеологическом анализе, то в первую очередь необходимо уточнить содержание терминов. В первую очередь – понятия **«модернизация»**.

В настоящее время в отечественной науке это понятие используется в уже ставшем классическом трактовании Р.Бендикса: "Под модернизацией я понимаю тип социальных перемен, имеющих корни в английской индустриальной и политической французской революциях. Он заключается в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен в отстающих"². Хронологическими рамками модернизации определяется (так и

хочется сказать - назначается) Новое время. Более узкие рамки модернизации – период от Второй мировой войны.

Я полагаю, что в основе такого понимания лежат взгляды А.Тойнби и К.Ясперса. Согласно А.Тойнби динамика цивилизации (т.е. прогрессивного социально-экономического и культурного развития конкретного общества) определяется «законом вызова и ответа», согласно которому каждый шаг вперед связан с адекватным «ответом» социума на «вызов» исторической и природной ситуации. «Человек (в понимании – человеческое общество) достигает цивилизации не вследствие биологического дарования или легких условий географического окружения, а в ответ на вызов в ситуации особой трудности, воодушевляющей его на беспрецедентное до сих пор усилие»³. А поскольку «цивилизаций» в истории человечества А. Тойнби насчитал 21 (из них 5 современных), то вся история человечества, фактически, сводится к «гонке за лидером». Следует заметить что Тойнби рассматривал эту гонку как имманентный процесс, характерный для всей истории человечества.

Достаточно убедительную критику взглядов Тойнби на природный ландшафт как форму «вызова» дал Л.Н.Гумилев⁴.

Однако концепция «вызова и ответа» в отношениях между социумами, через труды Бендикса и Эйзенштадта, вошла в практику современных отечественных исследований.

Еще более характерны в этом отношении взгляды К.Ясперса⁵. В хронологии человеческой истории, с его точки зрения, «..выделяется как бы два дыхания»,

Первое из них Ясперс делил на три периода:

1 - прометеевский, связанный со становлением человека и его речи, появлением орудий труда, и использованием огня;

2 – великих культур древности (Египет, Месопотамия, Индия, Китай), связанных со становлением разделения труда, государства и науки.

3 – осевого времени, которое рассматривается как время духовного основоположения человечества (искусство и философия в Греции, Иране, Индии и Китае, религия в Израиле). Сэтого периода происходит становление истории человечества как мировой, тогда как до «осевого времени» имели место лишь истории локальных культур

Второе дыхание - (современное) начинается с «прорыва», с эпохи науки и техники («замечательные духовные творения Европы 1500 – 1800 гг.»), которая «..на Западе характеризуется

большим числом выдающихся личностей, творениями непреходящей ценности в области поэзии и изобразительного искусства, глубочайшими религиозными порывами, наконец, открытиями в области науки и техники». Народы человеческой истории, в свою очередь, «делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые – исторические народы, вторые – народы первобытные».

И вот как здесь не вспомнить всемирно-историческое направление в исторической мысли Европы XIX века? Совершенно правильной, по моему, его исходной посылкой была трактовка исторического процесса как единого процесса прогрессивного развития, более или менее захватившего все области, населенные людьми. Однако вывод из этой посылки оказался несколько неожиданным и привел к созданию «европоцентризма». Историческое развитие человечества было сформулировано в виде концепции пяти империй: ассирийской, персидской, македонской, римской и Священной империи германской нации, деятельность которых привела к существованию современной «цивилизации». Однако под «цивилизацией», в таком случае, понимались культурные ценности романо-германской Европы, остальные же народы признавались «отсталыми» объектами европейского культуртрегерства. Или же «народы первобытные» по Ясперсу.

Итак, если согласиться с вышеизложенным, то в основе современного понимания «модернизации» лежит европоцентризм XIX века, социо-хронологические изыскания К. Ясперса и теория «вызова – ответа» А. Тойнби. Но в таком случае хочу обратить внимание на следующее. Теория европоцентризма уже давно подвергнута справедливой и конструктивной критике и в гуманитарной науке может считаться недостаточно обоснованной. Что касается взглядов Ясперса, то даже по вышеприведенной максимально сжатой сводке заметно, что методологическая основа его построений имеет существенный изъян. Его четыре периода гетерогенны, т.е. разнородны по критериям. В качестве критерия первого периода у него выступает антропогенный фактор, для второго – социальный, для третьего – культурно-этический, для четвертого – технологический. Но ведь если использовать гетерогенные критерии, то возможно построить бесконечное множество схем, и по одной из них вершиной исторического развития социума

(по критерию общения с лошадью) будет общество монгольских скотоводов, а первобытным обществом – население Силиконовой долины в США.

Остается концепция Тойнби, которая лично мне очень симпатична. Однако трудно не заметить, что, в отличие от Тойнби, что для современных теоретиков «модернизации» этот процесс разовый, начавшийся в XVII веке. Сам же сэр Арнольд рассматривал свои «вызовы - ответы» как ситуации, характерные и периодически возникающие на протяжении всей человеческой истории.

Осмелюсь сделать не совсем лицеприятный вывод. С моей точки зрения теория «модернизации» в современном ее понимании является попыткой реставрации теории европоцентризма на рубеже тысячелетий. Выделяются ряд обществ, объединенных под названием «Запад». Причем «Запад» - это символ, а не географическое понятие. Туда включены США, Япония, Южная Корея. Критерием выделения является уровень технологического развития страны. Эти страны, согласно теории, автоматически становятся первопроходцами, пионерами (Бендикс), остальные – догоняющими.

Все было бы хорошо, если бы в этой «гонке за лидером» правила не устанавливали «пионеры», причем устанавливали не только время старта, но и тип велосипеда. Искусственное банкротство, с использованием иностранного капитала, ряда рентабельных предприятий в России и Украине – доказательный тому пример. Кроме того, современная «модернизация» нередко превращалась в «вестернизацию», т.е. навязывание не только модели экономического развития, но и этических, эстетических, поведенческих и других моделей. В условиях когда эстетика стран, которым эти модели навязываются, на порядок древнее и выше, такая политика может привести к самым непредсказуемым последствиям. Особенно когда под лозунгами «модернизации» ее исполнители преследуют весьма прагматичные цели. Например, в современном, постталибском Афганистане насчитывается 340 организаций ООН и иных благотворительных организаций. «Но зато нет и следа наличия каких-либо восстановительных программ, которые могли бы обеспечить трудовую занятость пребывающих в отчаянной нужде афганцев.. ООНовцы в Кабуле получают дома стоимостью в 270 000 фунтов стерлингов, изысканные продукты

и дорогие автомобили – именно ради этого мы ходили воевать? – Так озаглавила свой материал Б. Джоунс»⁶.

В контексте темы настоящей статьи предлагаю выводы о понятии «модернизация», принятом в большинстве современных исследований.

Базой этой концепции служат методологически очень спорные теории исторического развития.

Модернизация в современном ее понимании является не методом гуманитарного исследования, а, скорее, методом социально-политического давления ограниченного круга развитых стран на планетарное сообщество.

Автором уже была высказана мысль о том, что основным критерием модернизации следует считать повышение эффективности деятельности человеческих обществ, влекущих за собой повышение критериев бытия⁷. А следовательно сама модернизация — это **процесс прогрессивного развития общественной истории, а значит, прогрессивных изменений отдельных элементов системы человеческого общества, и самой системы в целом**. Со временем я поняла недостатки этого определения, и сейчас попытаюсь его уточнить.

Прежде всего для самого факта модернизационного эпизода в истории необходимы минимум два субъекта – во первых, общество, достигшее определенного, передового по отношению к окружающим, уровня развития и предлагающее свои достижения этого уровня. Во вторых, общество (а чаще общества), потенциально готовые к восприятию этих достижений. Общество первого типа я предлагаю назвать «офертант» (от лат. - предложенный), общества второго типа – «акцепторы» (от лат. - принятый). Нетрудно заметить, что в основе моего понимания модернизации тоже лежит концепция Тойнби, только я более скрупулезно соблюдаю авторскую версию. Под офертантами в данном случае понимаются носители «вызова», под акцепторами – общества, потенциально готовые к «ответу», который детерминирован конкретно исторической спецификой «вызова». Но в таком случае фальсифицируется часть выше предложенного определения – о прогрессивном развитии общественной истории в целом, поскольку речь идет о конкретных субъектах исторического процесса. Следовательно, первую часть определения, о прогрессивном развитии человеческой истории в целом, следует убрать.

Во-вторых, эволюционное развитие общества, даже находящегося в состоянии гомеостаза, носит прогрессивный характер, поскольку обеспечивает его воспроизводство, а значит и существование. Следовательно, для того, что бы отделить модернизационный эпизод от общего эволюционного процесса развития общества, следует подчеркнуть локальный характер на хронологической оси процесса. Но поскольку этот локальный эпизод прерывает постепенность эволюционного развития, то в отношении него применимо понятие «дискретность», т.е. противопоставление непрерывной величине, т.е. эволюции.

И, в-третьих, модернизационные процессы характерны для любых типов человеческих, которые могут являться предметом исторического исследования (в типологии Л. Гумилева – от конвуксий до химер и империй)⁸. В широком понимании их следует определять как «социумы». При таком понимании модернизационный подход может выступать универсальным методом исследования специфики развития обществ всех уровней иерархии – от конвуксий до империй. И на всех этапах исторического развития человечества – от палеолита до новейшей истории. А заключаться он будет в вычлениении социума – акцептора, определении социума – офертанта, и выявлении путей и форм заимствования. Примеров модернизации в моем понимании можно привести множество – от неолитической революции до развития и распространения коммуникативных технологий в конце XX века.

Исходя из вышеизложенного, я хотела бы предложить новую дефиницию понятия «модернизация» – **дискретный процесс прогрессивных изменений отдельных элементов системы исторического социума, являющийся предпосылкой изменения самой системы в целом. Из такого определения следует, что предмет модернизации – это явление, историческое развитие которого способствует прогрессивному развитию социума..**

Следующий термин, содержание которого я хотела бы уточнить – это «**персистент**». В соответствии с уже классическим определением Л. фон Берталанди, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии»⁹. Трансформация и смена систем происходит вследствие качественного развития ее элементов и связей, в виде эволюционной трансформации

или некоего «прерыва постепенности» в развитии, т.е. революции, реформы и т.д.

При этом не следует забывать, что любой элемент системы, в соответствии с принципом иерархичности сам является подсистемой. Причем некоторые элементы входят в структуру генетически связанных систем в практически неизменном виде, а именно некоторые из таких элементов могут входить в структуру последующих ступеней. Эти элементы имеют характер своеобразной константы, или «постоянной в условии переменных».

В определенном смысле здесь идет речь о феномене, который А. Тойнби назвал «архаизмом в истории»¹⁰. Сэр Арнольд определял "архаизм" как попытку возродить некоторые былые формы жизни, тщательную, хорошо продуманную политику, "цель которой — плыть против течения жизни, протестуя против традиции, вкуса, совести, против общественного мнения". Причем наиболее ярко архаизм проявляется в области общественно-политических институтов. Не зря в качестве примера таковых Тойнби называет реформы спартанских царей Агиса и Клеомена в III в до н.э. (попытка восстановления государственного строя Спарты VII-V ст. до н.э.) или попытку братьев Гракхов возродить в Риме II в. до н.э. плебейскую власть в том виде, в котором она существовала на рубеже IV-III в. до н.э. Оба примера безусловно корректны. Ликурговская Спарта, Лисандровская Спарта и Эллинистическая Спарта это три различных социума, а значит системы. И перенос институтов эпохи Ликурга в Грецию эпохи Антигона Досана¹ был переносом элемента «через эпоху» .

Однако, по мнению Тойнби, любой архаизм в истории обречен на самоуничтожение. Правда здесь возникает вопрос, как отличить «анахронизм» от «реставрации». Ведь, если следовать Тойнби, восстановление королевской власти в Англии XVII или Испании XX века – это тоже анахронизм. Не ставя целью исследовать этот вопрос отдельно, выскажу

¹ Антигон Досан – царь Македонии (229 – 221 до н.э.), в 221 году разгромивший и изгнавший Клеомена. Причем интересно, что Полибий (2, 51) пишет, что Антигон восстановил «...исконное (курсив мой – О.Г.) государственное устройство в Спарте, т.е. дореформенные порядки. Следовательно порядки Ликурга, которые куда более заслуживают названия «исконные», уже Полибием воспринимались не как реальное государственное устройство, а как мифологизированная традиция.

мнение, что «реставрация» - это «анахронизм», прижившийся в новой социальной системе. Тем не менее определенная коллизия имеет место.

Поэтому в отношении элементов константного типа мне больше нравится подход Л. Гумилева, используемый им в этнологических исследованиях. Однако, любое этническое образование, как в онтологическом, так и в генетическом контексте, безусловно является образованием системным. Поэтому и принципы исследования этнических процессов, предложенные Гумилевым, могут быть использованы для исследования любых гуманоидных систем. Для этнологии под персистентом (изолятом, реликтом) Лев Николаевич понимал «этнические системы, находящиеся в этническом гомеостазе»¹¹. В другом месте он назвал этносы-персистенты исключением из правила дискретности этнического процесса¹². Но в таком случае мы имеем дело с подсистемой (персистентом), который является константой в переменных условиях этногенетической системы (суперсистемы).

Если вышеизложенное не вызывает концептуальных возражений, то можно предложить следующую дефиницию понятия «персистент»: **системный элемент, не изменяющий качественных характеристик в течение развития системы, и в таком виде переходящий в структуру новой системы, генетически связанной с предыдущей.**

Согласно Гумилеву¹³, с условиям трансформации подхода, который им предложен, к задачам системного анализа, для персистента возможны три пути существования в структуре новой системы:

1. Элиминация – сознательное его уничтожение
2. Инкорпорация – включение в новую структуру, с приобретением определенных функций
3. Дисперсия – постепенное отмирание.

Меня в этом случае интересует второй путь – **инкорпорация**. Сразу следует заметить, что существует минимум два типа инкорпорации. Рациональная инкорпорация предполагает органическое, генетически обусловленное, включение в структуру новой системы абсолютного большинства элементов предыдущей, поскольку функции генетически связанных систем в основном тождественны. Так в структуру любого нового государства, независимо от формы его образования – эволюционного или революционного, входят

элементы старого, как-то армия, правоохранные и фискальные органы, органы образования, распределения и т.д. Изменение названия (министерства или наркоматы) здесь роли не играет.

Нерациональный путь скорее напоминает «архаизмы» Тойнби, когда в структуру новой искусственно включаются элементы былых систем. Но, в отличие от рационально инкорпорированных элементов, эти вводятся в структуру новой системы скорее волевым, политическим решением и фактически перехватывают функции уже существующих элементов.

И если эти элементы уже имели место в предыдущих периодах генезиса системы, от они относятся к моему пониманию персистента. Как, например, введение в денежное обращение СССР в 20-х годах золотого червонца (неудачная рациональная инкорпорация) или восстановление имперской символики в России в 90-х годах прошлого века (удачная нерациональная инкорпорация).

И наконец, третий термин, на который хочется обратить внимание – **азиатские способ производства**. Обойти его нельзя, ибо он, на наш взгляд, составлял фон, на котором происходили пертурбации в сельском хозяйстве СССР.

Впервые его характеристика была сформулирована в переписке К.Маркса и Ф.Энгельса, которая датируется серединой 50-х гг. XIX ст. Свое дальнейшее обоснование и развитие этот тезис нашел в «Экономических рукописях 1857 – 1859 годов», «К критике политической экономии», «Капитале», «Анти-Дюринге» и других работах. Причину азиатского способа производства существования Маркс видел в сохранении общинной, т.е. коллективной собственности (или, если угодно, отсутствии частной собственности) на землю. Согласно Марксу в условиях азиатского способа производства индивиды относятся к земле – основному способу производства и объекту труда – как владельцы и как члены «того или иного коллектива (Gemeinwesen)»¹⁴ (т.е. сохранение деревенской общины). При этом «объединяющее единое начало выступает как высший собственник или единственный собственник в силу чего ... общины выступают лишь как наследственные владельцы»¹⁵. Ведущей управляющей силой при азиатском способе производства является бюрократия, которая способна продуктивно действовать до определенного предела под воздействием волевых импульсов государства. Поэтому прибавочный продукт

в этих условиях принадлежит только высшему единому началу, которое выступает как деспот (т.е. деспотия (тирания) как форма государства).

В марксистской литературе конца XIX – начала XX века категория азиатского способа производства практически не получила дальнейшего освещения. В работах Г.В.Плеханова азиатский способ производства истолковывался как особый тип развития общества сосуществовавший с античным (рабовладельческим) способом производства. В работах В.И.Ленина азиатский способ производства упоминается лишь в связи с формационной теорией Маркса. Комментируя Маркса, В.И.Ленин писал: «Ключ» восточных порядков (азиатского способа производства – авт.) отсутствие частной собственности на землю», «Вся земля – собственность государства»¹⁶. В дальнейшем этот вопрос им не поднимался и не рассматривался. И в свете практической деятельности пришедших к власти большевиков это понятно.

В советское время проблема азиатского способа производства стала предметом периодически возобновляющихся дискуссий¹⁷. Однако при всем многообразии поднимавшихся вопросов он рассматривался советскими учеными исключительно только как докапиталистическая, а чаще всего, как доантичная (дорабовладельческая) формация в Европе, а также в государствах доколумбовой Америки, доколониальной Африки и Азии.

Теперь, когда содержание терминов определено, вопрос, вынесенный в заглавие статьи, может быть решен следующим путем:

- следует определить генезис и структуру исторического явления, которое в результате процесса коллективизации приобрело характеристики элемента в системе под названием «Советский Союз»;

- если, априорно, коллективизацию рассматривать как модернизационный процесс, то следует определить его офертанта, поскольку акцептор ясен – экономический базис СССР;

- следует определить, отвечает ли историческое развитие указанного процесса определению модернизации.

- если нет, то следует охарактеризовать это явление с точки зрения изложенного выше;

- следует определить путь введения в структуру системы СССР интересующего нас элемента.

*

*

*

В качестве явления, возникшего в результате коллективизации, будут рассмотрены колхозы – ее наиболее одиозный результат.

Модернизационные преобразования, проводимые правительствами Российской империи на рубеже XIX и XX столетий не могли быть успешными при сохранении существовавших в деревне отношений, структурообразующим элементом которых продолжала оставаться община. За ней сохранялись практически все государственные функции предыдущей эпохи: фискальная (общинная ответственность за выполнение повинностей), полицейская (способствование сохранению «внутреннего порядка»), управляющая социальной и производственной деятельностью, снижение социальной напряженности внутри населения, стабилизирующая в демографическом аспекте (сокращение нежелательной и неуправляемой миграции огромных крестьянских масс).

Столыпинская реформа была направлена на индивидуализацию крестьянских хозяйств в целях создания крупных сельскохозяйственных производителей. Одним из основных препятствий на этом пути была крестьянская община. Указ от 9 ноября 1906 г. разрушал ее изнутри за счет выделения части крестьян вместе с землей. Для крестьян вышедших из общины, он узаконил частную собственность на землю, поощрял создание фермерских, т.е. товаропроизводящих хозяйств, не посягая на помещичье землевладение, которого явно не хватало для создания товарной массы зерна для внешнеторговых операций. В определенной мере своей цели П.Столыпин добился, и в 1908-1913 гг. Россия экспортировала 25% мирового зерна, что было больше, чем экспортировали США, Канада и Аргентина вместе взятые. Однако нельзя не вспомнить того, что граф Витте назвал Столыпина циником, после того, как последний заявил, что его реформа для сильных, а не для слабых. И до Первой мировой войны из общин вышло 25 % их членов. Однако за это время крестьяне выкупили у помещиков 9,6 млн. га земли и производили перед

войной 92,6 % совокупного сельхозпродукта, а помещики – только 7,4 %.

Столыпинскую реформу, которая объективно отражала интересы как государства в целом, так и крестьянства, ни помещики, ни левые силы не поняли и не приняли, правда с разных позиций. Помещики – потому что она ограничивала их господствующее положение; левые – поскольку укрепляла экономическую базу существовавшего режима. Но что самое интересное – ее не поняло и не приняло само крестьянство. Процент крестьян, воспользовавшихся представленными возможностями был довольно незначительным. Крестьяне, которые смогли подняться благодаря реформе, вызывали недовольство «мира». Это можно объяснить с одной стороны тем, что первоначальное накопление капитала невозможно в «белых перчатках», а с другой – тем, что в стране сохранялся резкий земельный голод, как следствие сохранявшегося помещичьего землевладения. Именно поэтому основным вопросом на то время оставалась общекрестьянская борьба за землю. На этом фоне противоречия внутри крестьянства отходили на второй план, хотя и сохраняли свою актуальность. Властям так и не удалось полностью разрушить общину и создать сколько-нибудь устойчивый и **массовый** слой крестьян-собственников.

Если использовать терминологию А.Тойнби, то реформу Столыпина следует определить как попытку «Ответа на Вызов», оставшуюся по ряду исторических причин незавершенной.

Усилению общинного сознания способствовали также практически 8-летние боевые действия на территории Украины, особенно в последние их годы. Община выделяла «пассионарную» свою часть и бросала ее в водоворот крестьянского повстанческого движения. Недаром большинство местных повстанческих отрядов составляли односельчане¹⁸.

Следующий тезис может вызвать недоумение, или даже неприятие: крестьянское повстанческое движение, несмотря на его военный разгром, добилось победы. Ведь результаты войны определяются прежде всего условиями мира, а не потерями сторон. А условия социального примирения в начале 20-х годов XX столетия были крестьянскими: замена продрозверстки налогом и легализация товарно-денежных отношений. У режима, собственно говоря, не было особого выбора. Восстановление народного хозяйства требовало продовольственного

обеспечения и финансов. И то, и другое в разоренной стране можно было найти только в аграрном секторе.

Согласившись с основными требованиями крестьянства, режим своего не потерял. С каждым годом, выкачивая средства из деревни, он укреплял свои позиции, и ослаблял «пассионарную» часть села.

Ситуация коренным образом изменилась в 1926 г., когда СССР (и с этим никто не спорит) выполнил задачу восстановления народного хозяйства. Перед государством возник новый ряд задач. Прежде всего это индустриализация страны и содержание и модернизация армии в условиях враждебного политического окружения.

Для решения этих задач необходимо было соблюдение двух базовых условий:

- обеспечение продовольственного минимума программы индустриализации и
- обеспечение этой программы рабочей силой.

Причем если в период восстановления народного хозяйства, по образному определению авторов «Экономикс», «...на спасение коммунизма был призван капитал»¹⁹, т.е. НЭП, то исполнение продовольственной программы и программы рабочей силы должно было быть минимально капитализировано. И последнее. Все это происходило в условиях аграрной страны социально дифференцированных мелких производителей. Следовательно, и заплатить за все исторически было обречено крестьянство.

Экзекуция крестьянства приняла форму коллективизации, т.е. создания колхозов. И здесь мы подходим к еще одному интересующему нас вопросу – откуда взялась сама модель коллективных хозяйств? Причем мы не будем углубляться в даль столетий, к египетским храмовым хозяйствам и «Новой Гармонии» Оуэна.

Наиболее естественным ответом на вопрос откуда взялась модель коллективных хозяйств кажется: «из территориально-соседской общины», доминирующей формы агрокооперации в истории России. Объединяя взгляды С.Ф.Платонова²⁰ и П.И.Милюкова²¹, под общиной в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. мы понимаем самоуправляющиеся сельские общества (со своим общим собранием – сходом, своей администрацией – головами и старшинами, своим судом – сельской расправой). Члены общины были связаны

общностью экономических интересов и круговой порукой. Общностью экономических интересов общины была земля, находящаяся в коллективной собственности и подлежащая регулярному переделу среди производителей. Круговая порука в определенной мере гарантировала минимальную справедливость в отношении еще или уже нетрудоспособных членов общины. В то же время община предполагала наличие частной собственности (скот, орудия труда) и право производителя на результаты своего труда после налоговых расчетов общины с государством. В последних словах заключен смысл существования общины с точки зрения государства – фискальный. Общинное устройство сельскохозяйственных производителей в теории гарантировало сбор налогов в полном объеме, вследствие существования круговой поруки ее членов.

Обозначившиеся реальные возможности прихода к власти, заставили большевиков осенью 1917 г. отказаться от программных положений по аграрному вопросу, которые предусматривали создание, на базе помещичьих хозяйств, крупных коллективных хозяйств в виде совхозов и коммун и принятие «крестьянских наказов», основной из которых – «Землю – крестьянам». Проведенный ими «черный передел» означал значительный шаг назад в развитии сельского хозяйства, поскольку господствующим становилось практически натуральное хозяйство. Такое состояние теоретически давало шанс быстрому развитию сельского хозяйства. Однако – именно теоретически – поскольку с одной стороны большевики своей политикой консервировали возникшие поземельные отношения, а с другой – пытались на практике реализовывать теоретические положения своей аграрной программы.

Уже через три месяца после «Декрета о земле» в России был принят «Закон о социализации», ставший первым практическим шагом на пути к их реализации. В конце 1918 г. был подготовлен третий земельный закон, содержание и цель которого раскрывались в самом названии «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию». Однако, учитывая его взрывоопасный характер, официально он был принят только в феврале 1919 г. Украина стала полигоном, на котором новая аграрная политика большевиков испытывалась в чистом виде. Этот тезис был озвучен наркомом земледелия УСРР В.Мещеряковым на заседании ЦИК Украины в мае 1919 г.: «землю, которая

осталась от прогнанных помещиков, необходимо превратить в советские хозяйства»²².

В результате реализации большевиками своей земельной политики, в 1919 г. из 15 млн.десятин помещичьей земли крестьяне получили только 6. Значительная часть земель (более 2,5 млн.дес.) передавалась сахарным заводам и винокурням²³. Наибольшая же часть земли передавалась для создания коллективных хозяйств. Если весной 1918 г. в Украине насчитывалось около 50 коллективных хозяйств разного типа²⁴, то накануне денкинского нашествия их было уже более 1,5 тыс.²⁵

Кроме того, как признавали лидеры большевиков, одной из основных причин создания многих коллективных хозяйств было стремление крестьян получить максимальные льготы

Именно поэтому VIII Всероссийская партийная конференция по предложению В.Ленина приняла решение о резком ограничении создания колхозов с обязательным учетом интересов местного крестьянства и запрещения принуждения при создании таковых.

Ситуация резко изменилась в конце 20-х годов. Идея колхозов была реанимирована и использована как орудие для решения новых исторических задач.

К началу коллективизации, в контексте крестьянского вопроса, перед государством стояли следующие задачи:

1. Создать слой фактически зависимых аграрных производителей, что минимизировало капитализацию сельского хозяйства.

2. Дистанцировать крестьян от орудий, средств и результатов их труда, что обеспечивало максимальное изъятие сельскохозяйственной продукции фискальными или конфискационными методами.

3. Максимально дистанцировать сельское население от товаро-денежного оборота в стране, что обеспечивало прямую зависимость крестьян от результатов индустриализации.

4. Создать условия для урбанизационного процесса в стране, без чего индустриализация невозможна как таковая.

5. Разработать и обосновать государственно-правовые нормы, позволяющие трансформировать значительное количество сельского населения (в первую очередь оппозиционно настроенного) в слой реально зависимых граждан – «государственных рабов».

Для выполнения указанных задач большевиками была использована идея, предложенная К.Марксом

По определению Большой Советской Энциклопедии (М., 1973) колхоз это «кооперативные организации добровольно объединившихся крестьян для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства на основе общественных средств производства и коллективного труда». Определения в других советских энциклопедиях являются калькой с него.

Нетрудно заметить, что с точки зрения чистой теории это определение полностью находится в русле теоретических разработок К.Маркса – Ф.Энгельса и дореволюционного В.И.Ленина. Но, перефразируя Мефистофеля, теория оказалась «сухой, а древо жизни расцвело пышным цветом». Поэтому, если рассматривать, чем был колхоз начала 30-х годов прошлого века в реальной жизни, вырисовывается следующая картина:

- колхозы изначально не были добровольными;
- производитель был оторван от средств производства, прежде всего земли, и орудий труда;
- колхозы фактически были выведены из сферы товарно-денежных отношений;
- крестьяне фактически были дистанцированы от результатов труда. Об этом свидетельствует, например, закон «Об охране социалистической собственности» (зловеще известный закон 7.8).
- колхозная организация практически лишала подавляющее большинство населения возможности свободного передвижения.

И наконец, самое главное, колхоз оказался чрезвычайно удобным для режима как фискальный объект. Практически весь прибавочный продукт, за исключением посевного фонда и более чем скромного фонда оплаты трудодней, передавался государству.

Все это мало напоминает модель Маркса и раннего Ленина, но более чем напоминает русскую частновладельческую (помещичью) общину образца первой половины XIX в.

Аграрии той и другой организационной формы

- ✓ не имели свободы передвижения;
- ✓ были наиболее удобными для режима объектом налогообложения;
- ✓ отвечали за выполнение своих «обязательств» перед государством всем имуществом.

Все рассмотренное выше дает повод назвать период 1929 – 1933 гг. «вторым наступлением крепостничества». А в контексте ответа на вопрос, вынесенный в заглавие статьи можно сделать определенные выводы. Даже если рассматривать модернизацию в традиционных дефинициях (типа Бендикса), то ни о какой модернизации говорить не приходится. Никаких корней в английской индустриальной и французской политической революциях найти не удастся. Если же взять предложенное автором определение модернизации, то может быть и можно было бы говорить о прогрессивном значении колхозов в системе советского социума в период решения задач поставленных Вызовом, однако только в экстремальных условиях (1941 – 1945 гг.).

В целом же использование колхозного метода в советской версии привело аграрный сектор СССР, а затем стран пост-советского пространства в состояние глубочайшего кризиса.

Значит, отвечая на вопрос является ли коллективизация модернизационным процессом автор вынуждена ответить «НЕТ». Но в таком случае чем же она является.

Выше мы говорили о персистентах. С точки зрения формальной логики модель колхоза можно и следует рассматривать как знакомую модель общинной организации, трансформируемую к новым историческим условиям, но не изменившую своих сущностных характеристик.

Таким образом, ход мыслей автора подводит к выводу, что коллективизация и ее советский элемент – колхоз, это обычный персистент прошлой социальной системы инкорпорированный в новую социально-экономическую систему. И на первых порах удачно, качественно выполняющий поставленные перед ним задачи.

С типологической точки зрения данный случай нужно отнести к нерациональному типу инкорпорации, поскольку идея частнокрепостнической общины волевым решением высшего политического руководства страны была внедрена в аграрную практику.

¹ В.Боєчко, О.Ганжа, Б.Захарчук. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. – К.,1994.

² Цит по: Цапф В. Теория модернизации и различия путей общественного развития // Социологические исследования. – 1998. - № 8. – С.15.

³ В российское издание фрагментов Тойнби – «Постижение истории. Сборник. М., Айрис-пресс, 2001» этот фрагмент не вошел

-
- ⁴ Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера земли. М., АСТ, 2001, стр. 151-155.
 - ⁵ К.Ясперс. Смысл и назначение истории. М., 1991, с.28 – 287.
 - ⁶ Дмитриева О. Кто кого кормит в Кабуле // Российская газета, № 230 от 4 декабря 2002, стр7.
 - ⁷ Ганжа О.І. Про використання терміну „модернізація” стосовно радянської аграрної історії 20 – 30-х рр. ХХ ст. // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Вип.8.- К.,200 . – С.76-83.
 - ⁸ Гумилев, Этногенез и биосфера Земли, М., АСТ, 2001, стр. 541 – 549
 - ⁹ Берталанди Л. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.,1969. – С.28.
 - ¹⁰ А.Дж.. Тойнби. Постижение истории. Избранное. М.,2001. – С.428-440
 - ¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, стр.545
 - ¹² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь, М., РОЛЬФ, 2002, стр.8
 - ¹³ Гумилев Л.Н. Там же.
 - ¹⁴ К.Маркс и Ф.Энгельс. – Соч. – Т.46. – Ч.1. – С.462.
 - ¹⁵ К.Маркс и Ф.Энгельс. – Т.46. – Ч.1. – С.463.
 - ¹⁶ В.И.Ленин. Конспект «Переписки К.Маркса и Ф.Энгельса, 1844 – 1863 гг. – М.,1959. – С.160. (Интересно, что ни в 4-е, ни в 5-е издание трудов В.И.Ленина эта работа не вошла).
 - ¹⁷ Иолк К. К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем ленинизма. – 1931. - № 3; Дискуссия об азиатском способе производства. – Ленинград,1931; Нуреев Р.М. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – М.,1979. – Вып.5 и др.
 - ¹⁸ Верстюк В.Ф. Махновщина: Селянський повстанський рух на Україні. 1918-1921. – К.: Наук. думка, 1991. – 366 с.; Ганжа О. Опір селян становленню тоталітарного режиму в УСРР. - К.,1996. - 42 с.; ЧЕНЦОВ В.В. Політичні репресії в радянській Україні в 20-ті роки. – К., 2000. – 482 с.; Шитюк М.
 - ¹⁹ Фишер, Дорнбуш, Шмалензи. Экономикс. – М., 1993, с. 760
 - ²⁰ С.Ф.Платонов. Полный курс русской истории. – Спб.,2001. – С.723 – 724.
 - ²¹ П.И.Милюкова. Четвертое право. – М.,1892
 - ²² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф.1. – Оп.1. – Д.8. – Л.18.
 - ²³ Ганжа О.І. Українське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917 - 1927). – К.,2000. – С.30.
 - ²⁴ Чмыга А.Ф. Колхозное движение на Украине 1917 – 1929 гг. – М.,1974. – С.288.
 - ²⁵ Станіслав Кульчицький. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919 – 1928). – К.,1996. – С.134.